

Предисловие

Настоящим мистер Э. Д. Мэлоун официально заявляет, что все судебные ограничения и обвинения в клевете в настоящий момент профессором Дж. Э. Челленджером безоговорочно отозваны, и профессор, будучи удовлетворенным тем, что никакая критика или комментарии в этой книге не носят оскорбительного характера, гарантировал, что не будет чинить препятствий ее изданию и распространению.

Глава I

Всегда есть возможность совершить подвиг

Мистер Хангертон, отец моей возлюбленной, поистине был самым бестактным человеком на земле. Он напоминал распутившего перья неряшливого попугая, вполне добродушного, впрочем, но полностью сконцентрированного на собственной глуповатой особе. Если что-то и могло заставить меня отказаться от моей Глэдис, то только мысль о таком вот тесте. Я убежден, что в глубине души он искренне верил, что я трижды в неделю приезжал в «Честнатс» исключительно ради удовольствия побыть в его компании, и в особенности послушать его рассуждения по поводу биметаллизма¹ — область, в которой мистер Хангертон считал себя крупным авторитетом.

¹ Биметаллический стандарт — денежная система, основанная на двух металлах, обычно на золоте и серебре. (Здесь и далее примеч. пер.)

В тот вечер я битый час выслушивал его монотонную болтовню о символической стоимости серебра, об обесценивании рупии*¹ и о справедливости обменных курсов.

— Представьте себе, — воскликнул он своим слабым голосом, — что во всем мире одновременно предъявили бы к оплате все долги, настаивая на немедленном их погашении! Что произошло бы в условиях нынешней денежной системы?

Я, разумеется, ответил, что лично я бы при этом разорился, после чего мистер Хангертон вскочил со своего стула, упрекнул меня в обычном легкомыслии, которое делало невозможным для него в моем присутствии обсуждать сколько-нибудь серьезные вопросы, и вылетел из комнаты переодеваться к собранию своей масонской ложи*.

Наконец-то я оказался с Глэдис наедине, и наступил решительный момент, от которого зависела наша судьба! Весь вечер я ощущал себя солдатом, который ждет сигнала к выступлению на безнадежное задание и в душе которого надежда на победу постоянно сменяется страхом поражения.

Какая горделивая, полная достоинства осанка, тонкий профиль на фоне красных штор... До чего же Глэдис была прекрасна! И при этом так далека от меня! Мы были друзьями, просто хорошими друзьями; мне никак не удавалось увести ее за рамки обычной дружбы, которая могла быть у меня с любым из моих коллег-репортеров из «Газетт» — абсолютно искренней, абсолютно сердечной и абсолютно лишенной разделения по половому признаку. Меня возмущает, когда женщина ведет себя по отношению ко мне слишком открыто и свободно. Это не делает чести мужчине*. Там, где возникает настоящее влечение, ему должны сопутствовать робость и сомнение — пережитки старых, безнравственных времен, когда любовь и принуждение часто шли рука об руку. Склоненная голова, отведенные в сторону глаза, дрожащий голос, неуверенная по-

¹ К словам, помеченным звездочкой, дан комментарий в конце книги.

ходка — вот истинные признаки страсти, а уж никак не твердый взгляд и открытая речь. За свою короткую жизнь я уже успел это усвоить, — или унаследовал на уровне родовой памяти, которую мы называем инстинктом.

Глэдис была воплощением лучших женских качеств. Кто-то мог счесть ее холодной и суровой, но это впечатление было обманчиво. Смуглая кожа с почти восточным бронзовым отливом, волосы цвета воронова крыла, немного пухлые, но изящные губы, большие ясные глаза — в ней присутствовали все приметы страстной натуры. Но я с грустью должен был признать, что до сих пор мне не удавалось раскрыть секрет, как дать всему этому выход. Однако будь что будет, я должен покончить с этой неопределенностью и сегодня вечером открыться Глэдис. Она может отвергнуть меня, но лучше уж быть отвергнутым возлюбленным, чем смириться с ролью брата.

Я был охвачен своими мыслями и уже готов был прервать затянувшееся неловкое молчание, как она взглянула на меня темными глазами и покачала гордой головкой, укоризненно улыбаясь.

— Тэд, я догадываюсь, что вы хотите сделать мне предложение. Мне бы этого не хотелось; пусть все останется как есть, так будет намного лучше.

Я придвинул свой стул немного ближе к ней.

— Но как вы узнали, что я собираюсь сделать вам предложение? — спросил я с неподдельным удивлением.

— Женщины всегда чувствуют это. Уверяю вас, что ни одну женщину в мире такие вещи заставить врасплох не могут. Но... О Тэд, наша дружба была такой светлой и радостной! Как жаль будет все испортить! Разве вы не ощущаете, как это замечательно, когда молодая женщина и молодой мужчина, находясь наедине, могут спокойно разговаривать друг с другом, как мы с вами сейчас?

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, я могу спокойно разговаривать наедине разве что с... с начальником железнодорожной станции. — Не знаю, почему мне пришел на ум этот

чиновник, но так уж вышло, и мы с Глэдис рассмеялись. — Это ни в коей мере меня не устраивает. Я хотел бы, чтобы мои руки обнимали вас, чтобы ваша голова прижималась к моей груди... О Глэдис, я хотел бы...

Заметив, что я уже готов воплотить некоторые из моих желаний в жизнь, Глэдис вскочила со стула.

— Вы все испортили, Тэд, — сказала она. — Все так прекрасно и естественно, пока не начинаются такие разговоры! Как жаль! Почему вы не можете держать себя в руках?

— Не я первый все это придумал, — оправдывался я. — Все очень естественно. Это любовь.

— Что ж, если любят двое, это, возможно, и происходит иначе. Я же никогда не испытывала таких чувств.

— Но вы должны их испытать — с вашей красотой, с вашей прекрасной душой! О Глэдис, вы созданы для любви! Вы просто обязаны любить!

— Только нужно дождаться, когда придет это чувство.

— Но почему вы не можете полюбить меня, Глэдис? Дело в моей внешности или в чем-то еще?

Немного смягчившись, она протянула руку и грациозным и снисходительным жестом отвела мою голову назад. Затем с задумчивой улыбкой заглянула мне в глаза.

— Дело не в этом, — наконец произнесла Глэдис. — Вы по своей природе юноша не самоуверенный, поэтому вам я могу спокойно сказать это. Все намного сложнее.

— Мой характер?

Она серьезно кивнула.

— Я исправлю его, скажите только, что я должен для этого сделать! Присядьте и давайте все обсудим. Ладно, не будем обсуждать, только присядьте!

Она посмотрела на меня с удивлением и сомнением, которое было для меня дороже, чем ее полное доверие. Когда излагаешь наш разговор на бумаге, все представляется примитивным и грубым, хотя, возможно, мне это только кажется. Так или иначе, но Глэдис снова села.

— А теперь расскажите мне, что во мне вам не нравится?

— Я люблю другого человека, — сказала она.

Настала моя очередь вскочить со стула.

— Это не конкретный человек, — пояснила она, рассмеявшись выражению моего лица. — Это пока идеал. Я еще не встречала мужчину, которого имею в виду.

— Расскажите мне о нем. Как он выглядит?

— О, он, может быть, очень даже похож на вас.

— Как это мило с вашей стороны! Ладно, что же в нем такого, чего нет во мне? Хотя бы намекните — он трезвенник, вегетарианец, воздухоплаватель, теософ*, сверхчеловек*? Я обязательно попробую измениться, Глэдис, только подскажите мне, что вам было бы по душе.

Моя необычная сговорчивость рассмешила ее.

— Ну, во-первых, не думаю, что мой идеал мог бы говорить подобным образом, — сказала Глэдис. — Он должен быть более твердым, более решительным мужчиной и не потакать с такой готовностью глупым девичьим капризам. Но прежде всего он должен быть человеком, способным принимать решения, способным действовать, способным бесстрашно смотреть в лицо смерти; человеком, готовым к великим поступкам и необычным событиям. Я смогла бы полюбить даже не самого человека, а завоеванную им славу, потому что отблеск ее падал бы и на меня. Вспомните о Ричарде Бертоне!¹ Когда я читаю его биографию, написанную его женой, я так понимаю ее любовь! А леди Стэнли!* Вы читали замечательную последнюю главу ее книги о муже? Вот каких мужчин женщины готовы боготворить всей своей душой. Такая любовь не унижает женщину, а еще более возвеличивает ее и приносит ей почитание всего мира как вдохновительнице великих дел.

¹ Бертон, Ричард Фрэнсис (1821—1890) — британский путешественник, писатель, поэт, переводчик, этнограф, лингвист, гипнотизер, фехтовальщик и дипломат. Прославился исследованиями Азии и Африки, а также исключительным знанием различных языков и культур.

В своем порыве Глэдис была так прекрасна, что я опять чуть не скомкал наш возвышенный разговор; однако мне удалось взять себя в руки, и я продолжил спор.

— Но все не могут быть Бертонами или Стэнли, — возразил я, — да и к тому же не всем представляется возможность как-то отличиться — у меня, например, такого шанса никогда не было. А если бы был, я не преминул бы им воспользоваться.

— Но такие шансы постоянно находятся вокруг. Это как раз и отличает настоящего мужчину; я хочу сказать, что он ищет их. Его невозможно удержать. Я никогда не встречала такого джентльмена, но, тем не менее, мне кажется, что я его хорошо знаю. Всегда есть возможность совершить подвиг*, который просто ждет своего героя. Удел мужчин — совершать героические поступки, а женщин — награждать их за это своей любовью. Вы только вспомните молодого француза, который на прошлой неделе поднялся в воздух на воздушном шаре! Дул штормовой ветер, но поскольку о старте было сообщено заранее, он настоял на этом полете. За двадцать четыре часа его забросило ураганом на полторы тысячи миль, и он упал где-то посреди просторов России. Именно такого мужчину я и имею в виду. Подумайте только о его возлюбленной и о том, как должны завидовать ей другие женщины! Я тоже очень хотела бы, чтобы все дамы завидовали мне, потому что у меня такой муж.

— Ради вас я мог бы сделать то же самое.

— Но вам следовало бы сделать это не просто ради меня. Это должно происходить само собой, потому что вы просто не можете себя сдерживать, потому что это у вас в крови, потому что человек внутри вас жаждет проявить себя в героическом поступке. А теперь скажите мне: когда в прошлом месяце вы писали о взрыве на шахте в Уигане*, вы могли бы и сами спуститься туда, чтобы помочь этим людям, несмотря на удушливый дым?

— Я и так спускался.

— Вы мне об этом не рассказывали.

— А о чем тут, собственно, было рассказывать?